

Мутное время

Александр Солженицын.
Россия в обвале. — М.:
Русский путь, 1998. — 208 с.

А. Солженицын

РОССИЯ
В ОБВАЛЕ

Эта книга еще не вышла

«...Как могла такая огромная Россия так внезапно ослабнуть, опасть духом и телом и начать стремительный саморазвал — не испытав ни крупного военного поражения, ни сотрясающей революции и гражданской войны, ни массового голода, ни эпидемий, ни стихийных бедствий. ...Поражает именно быстрота падения и несопротивляемость наша в том — до утери самого инстинкта государственного существования. (Курсив наш. — Ред.)

Земная история, может быть, не знает другого такого самоубийственного поведения этноса».

Вот, кажется, тема и лейтмотив новой книги Александра Исаевича Солженицына, публицистической книги о нынешней России. Тираж ее выходит из типографии на днях. «Новая газета» публикует сегодня две из тридцати шести глав. Главы выбрал автор. Мы благодарны ему.

Солженицын снова дал нам возможность УВАЖАТЬ нечто живое, только что явившееся на свет, сегодняшнее и здешнее. А все, на чем можно нынче УПРАЖНЯТЬ И ВОСКРЕШАТЬ способность к глубокому уважению здешнего и сегодняшнего, — есть первого ряда ценность.

Набирались главы по сигнальному экземпляру издательства «Русский путь» московского представительства ИМКА-пресс.

Экземпляров выйдет в свет 5 (пять) тысяч.

Когда большие надежды сорвались в тяжелые времена, наступила странная пора. Вдруг ПЕРЕСТАЛО быть видно далеко (особенно — в российском, ближнем, времени и пространстве). Не найти сознания, несущие конструкции которого, выдерживали бы ВЕСЬ груз произошедшего и происходящего, в вопиющей его разнородности... Странная пора, когда (от усталости тож) притупился инстинкт выживания. И заменила его тяжелая одурь оцепенения.

«...51% «Уралмаша» покупает одно лицо, а другое покупает 210 млн акций Газпрома по десятку обесцененных рублей...».

«Национальное производство в безучастных руках упало вдвое (во время войны с Гитлером упало только на четверть); ... с 1990 года в России не построено ни одного крупного промышленного предприятия».

«...По жесткому требованию МВФ мы сняли таможенные пошлины на вывоз наших нефти и газа... и взамен этих огромных бюджетных потерь ждем от МВФ очередной крохотной подкачки...».

«В 1993—1994 годах создавался и существовал «Союз русских беженцев», но от русских не дождался поддержки. Ослаб и рухнул».

«...Пережили эту безвольную, никак не оспоренную, ни

малейше опротестованную, по дряблости нашей тогдашней дипломатии, в 24 часа отдачу Крыма...»

«Начиная с 1993 перевес смертности русских над рождаемостью достигает МИЛЛИОНА В ГОД. Годовая убыль — как если бы в России бушевала гражданская война. Такое падение населения не происходило НИГДЕ в мире после Второй Мировой войны».

«...Самое поразительное, самое страшное в книге: Солженицын здесь пишет о том, что в общем-то знают все. Знают — и сверх, столь же непереносимое, сколь уже и привычное. Но какие-то невидимые миру горы взорваны вокруг нас, или же внутри нас самих. Отсутствует эхо стыда, сострадания, ужаса».

«Чем загордиться? Какими остатками великодушия? живого сочувствия к чужой беде (когда и сам там)? готовности идти на помощь (когда и самому худо за край)?...» — прежняя, давняя, публицистика Солженицына была много требовательней к русскому читателю, жестче, звонче, пламенной...

А теперь — так.

И здесь же, тем не менее, — главы об общенациональном позоре беженства, бесчувственности и безответности «оседлого большинства». И диагноз: «Мы утратили чувство единого народа».

Много цитат из писем, записей — из поездок по России последних лет. Самый точный, самый глубокий голос звучит из хора, из читательского письма: «Страшно, что Россия — что-то другое, не то, что мы себе напридумали».

Когда читаешь иные страницы, кажется: страшно и автору...

И вот — именно от этого, от слов «Сохраним ли мы физически-государственно или нет...», написанных рукой А. И. Солженицына, — просыпаешься. Собираешься, фокусируешься душевно: то есть как это — «...или нет»? Начинаешь лихорадочно составлять список прав, свобод и вообще благодеяний, реестры живого, осмысленного, вызванного и возвращенного к жизни этой же эпохой. Говорить твердым голосом себе: это все не сумерки смысла, а хмурое его утро. Прикидывать: Смутное время длилось дольше, было голодной, кровопролитней, клыкопреступней и позорней. И те времена казались последними. Но не были ими.

Будем стоять на том, что последние времен не бывает.

В книге А. И. Солженицына «Россия в обвале» найдем подтверждение тому:

«Ощутить каждому, что ты — не щепка, что ты можешь повлиять на идущее... Только МЫ САМИ, если имеем волю не сгинуть с планеты вовсе (а это — грозит), должны своими силами подняться из нынешнего гибельного прозябания. Изменить само поведение наше: усталое безразличие к своей судьбе».

«...Требовательная современность (от которой мы все отстаем и отстаем) диктует нам не просто задачу возрождения растерянных ценностей, но куда более сложную задачу построения новой России, еще никогда не бывавшей». (Курсив наш. — Ред.)

И, даст Бог, она, Россия, есть все-таки не то, «что мы себе напридумали»... Не то, что видим, читаем, слышим и в душевном околеснении делаем и не делаем — в годы обвала.

● Елена Дьякова

Александр СОЛЖЕНИЦЫН

Новая Россия не поставила себя как родину

Эти главы из книги «Россия в обвале» «Новой газеты» предоставил автор

Патриотизм

Существует, вероятно, немало определений патриотизма. Я все же предложу здесь свое, при моем возврате в Россию неоднократно по повторенное на общественных встречах по многим областям и везде всегда принятое с пониманием: «Патриотизм — это цельное и настойчивое чувство любви к своей родине, с готовностью жертвовать ей, делить невзгоды, но со служением не угодливым, не подержкою несправедливых притязаний, а откровенным в оценке ее пороков, грехов и в раскаянии за них».

Патриотизм — чувство органическое, естественное, оно не требует никаких оправданий, обоснований, а всякие к нему приставки («социал-патриотизм», левая и ленинская брань; «национал-патриотизм», нынешняя брань) суть либо непонимание, либо намеренная издевка. Когда-то П. Вяземский приставил эпитет *квасной* патриотизм, очень полюбившийся российским либеральным кругам. А скалось-то здесь его аристократическое высокомерие к бесхитростной, пропитанной бытом любви простонародья к своей стране.

Это — у нас модно: травить патриотизм едва ли не рядом с «фашизмом». А вот в Соединенных Штатах патриотизм стоит высоко. Не только никто его не стыдится, но Америка дышит своим патриотизмом, гордится им — и разные народные группы сливаются в нем едино. В каждом американском школьном классе висит национальный флаг, и во многих школах произносят слова верности ему.

Патриотизм — достоинство многих стран, в том числе всех европейских, патриотизм — начало, объединяющее народ и никак не

отделяющее от человечества. Другое дело, что, как всякое человеческое чувство, он может подвергаться отклонениям, искажениям.

Да подобно же тому, как и сегодняшнее в мире понятие «свободы» — даже особенно в сотрясенной всеми «шоками» России — взнесено до полного забвения *обязанностей* человека и до свободы от всякой ответственности. А между тем мы только до той грани человеческого существа, пока постоянно чувствуем на себе, над собою — наш долг.

И как не может сохраниться общество, где не усвоена ответственность гражданская, так не существовать и стране — особенно многонациональной, — где потеряна ответственность общегосударственная.

Страна многонациональная в трудные моменты своей истории должна иметь опору в поддержке и одушевлении *всех* своих граждан. Каждая нация должна иметь убежденность, что единая защита общих интересов государства — жизненно нужна также и ей.

Такого государственного патриотизма в сегодняшней России нет и в помине. Помимо усиленного поощрения патриотизмов отдельных автономий — здесь и общее влияние хаоса, и совершенно недостойное поведение государственных властей, которые морально низко уронили себя в глазах всего населения страны. Один офицер на встрече в Ярославле сказал: «Новая Россия не поставила себя как родину».

Национальный обморок

Однако, и приняв понятие *гражданского патриотизма*, нельзя упустить патриотизма *национального*. В странах однонациональных тот и другой — едины суть. В странах многонациональных, как наша, национальный патриотизм есть составная и подкрепляющая часть общегосударственного — и

горе тому государству, где эти патриотизмы разошлись. К национальному патриотизму применимы те же характеристики, что приведены выше: готовность делить невзгоды, жертвовать, неугодиливость служения. И так же естественно и неукоримо — сознание единства со своим народом.

Любовь к своему народу так же природна, как и любовь к своей семье. В этой любви никто не может быть укорен, но лишь уважен. Как бы ни был круговорот и разбросчив современный мир — но ведь свою *семью* мы силится сохранить и мерим особою меркой, пронизанной внутренним пониманием. А нация — это тоже семья, только следующего уровня и объема; и ее тоже скрепляют неповторимые внутренние связи — общий язык, общая культурная традиция, воспоминание об общей истории и задачи ее на будущее. И почему же самосохранение нации греховно?

Тут многие меньшие и малые нации нашей страны — ныне патриотизмом своим несомненно, явно превосходят русских. Их национальное чувство — стойкое.

А наше? А наше — истоптано, изорвано в клочья. Короткое время войны с Германией русский патриотизм был разрешен, возвышен, прославлен — а затем, по использованию, задвинул и снова превращен в пугало.

Я говорю тут — о русском патриотизме чистом, любовном, строительном; не о крайнем националистическом переклоне («только наша порода!», «только наша вера!»), не о взнесении своей национальной вышеступенности выше мыслимых духовных вершин, выше нашего смирения перед Небом. И, разумеется, не назовем «русским патриотизмом» тот, который заключает малодушный союз со своими уничтожителями-коммунистами.

Не напрямую, не указом запрещен русский патриотизм — но близко около этого, *поч-*

ти. Немалые силы — и внутри страны, и вне ее — направлены к тому, чтобы нас, русских, обезличить.

А мы? А мы — и поддались. Под лавиной нашего поражения в XX веке — опала наша воля защитить свой облик, свою особость, духовную органичность. Мы в упадке нашим много-много виноваты сами.

Вспомним Гоголя: «Великое незнание России посреди России». И вспомним Ивана Аксакова (речь о Пушкине): «Не в том ли вся сумма наших бед и зол, что так слабо в нас во всех, и в аристократах, и в демократах, русское историческое сознание, так мертвенно историческое чувство!»

Тяжче всего — отсутствие у нынешних русских людей слабого и отроду сознания своего единства. Сегодня, когда и большинство народов России в бедствии, — многие из них крепятся своею объединенностью и усилиями местного устройства. А русский народ — в наихудшем положении, ибо в цели наших потерь мы утратили связующую, спасительную сцепку друг с другом, а с ней — и сознание своего *места* в стране.

Наше национальное сознание впало в летаргию. Мы еле-еле живы: между глухим безмятежством позади и грозно маячащим исчезновением впереди.

Мы — в национальном обмороке.

Когда во всем мире растут настойчивые национализмы — обморок нашего национального сознания отнимает у нас и жизненную силу, и даже инстинкт самосохранения.

С горькой горечью опасаясь, что после всего пережитого и при ныне переживаемом — участь уклана, упадка, слабения все более угрожает народу русскому.

Причины или силовые поля, направляющие нас к этому упадку, — они сплетаются в удавку на наших глазах, вчера и сегодня, но и тянутся из нашего далекого прошлого.